

УДК 903.5«637»(571.151)+572.7

С.М. Киреев¹, К.Н. Солодовников², А.И. Нечвалода³

¹Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;

²Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия;

³Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

ПОГРЕБЕНИЕ КАРАКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ В С. МЕНДУР-СОККОН (предварительные результаты археологического и палеоантропологического исследования)*

Представлены результаты аварийных раскопок частично разрушенного погребения каракольской культуры эпохи бронзы в с. Мендур-Соккон в Горном Алтае. Описываются особенности погребального обряда, конструкция каменного ящика, а также уникальный сосуд, вся поверхность которого покрыта слочным орнаментом, а на днище изображен знак, похожий на руны «Одал». Погребение датировано концом III – началом II тыс. до н.э. На черепе женщины из Мендур-Соккона отчетливо проявляются особенности местного антропологического компонента в составе населения Южной Сибири периода ранней бронзы, для которого характерны промежуточные европеоидно-монголоидные черты. Отмечается большое морфологическое сходство между черепами из разных могильников каракольской культуры. Череп женщины из погребения в селе Мендур-Соккон проявляет также сходство с краниологическими сериями окуневской культуры Минусинской котловины.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, эпоха бронзы, каракольская культура, погребальный обряд, каменный ящик, керамика, палеоантропология, краниометрия.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-07

Введение

В 2010 г. по инициативе В.Д. Кубарева группой авторов был опубликован краткий отчет о раскопках ряда аварийных памятников в Горном Алтае, включая погребение каракольской культуры периода ранней бронзы, обнаруженное на берегу р. Чарыш, в с. Мендур-Соккон Усть-Канского района Республики Алтай [Киреев и др., 2010, с. 202–205]. В настоящее время появилась возможность дополнить краткий отчет более подробными сведениями и уточнениями, а также новыми данными, полученными в результате антропологического исследования черепа погребенного человека. Значимость этих материалов определяется крайней немногочисленностью раскопанных погребений каракольской культуры Алтая и соответственно единичностью краниологических находок из них. Мендур-сокконское захоронение является всего лишь 17-м по счету среди погребений каракольской культуры, поэтому введение в научный оборот новых сведений весьма актуально. Другой причиной является отсутствие или крайняя немногочисленность находок вещевого сопровождающего инвентаря в погребениях каракольской культуры. В нашем случае мы располагаем важным артефактом, публикация которого также дополнит этот ряд.

Результаты исследования погребения эпохи бронзы в с. Мендур-Соккон

Обстоятельства, предшествующие раскопкам, были следующими. В начале сентября 2009 г. в Агентство по культурно-историческому наследию Министерства культуры Республики Алтай (г. Горно-Алтайск) поступили сведения от краеведа, жителя с. Мендур-Соккон Н.А. Шодоева о разрушающейся могиле и находке вынутого из стенки обрыва берега небольшого глиняного сосуда. По просьбе и инициативе местной админи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00779).

страции 6–7 сентября 2009 г. было обследовано место находки и окрестная территория, а также раскопано аварийное погребение в с. Мендур-Соккон. Разрушающееся погребение располагалось на террасе высокого обрывистого берега старого русла Чарыша на южной окраине села (рис. 1). В этом месте русло реки со временем изменило свое течение и протекает в настоящее время к югу от старого берега более чем в 200 м. Координаты местонахождения памятника такие: $50^{\circ} 47' 776''$ с.ш.; $84^{\circ} 48' 645''$ в.д. Высота расположения над уровнем моря 1077 м. При осмотре местоположения объекта на верхней кромке обрыва в его срезе были видны боковые торцы двух вертикально установленных на ребро каменных плит из плотного сланца серого цвета, ухидившие в стенки обрыва и почти достигавшие верхними краями современной дневной поверхности. В разрезе осыпи обрыва также были различимы мелкие трубчатые кости кисти человека. Три сланцевые плиты (две небольшие и одна размерами $108\text{--}110 \times 41 \times 5,8$ см) находились внизу под обрывом. По структуре, цвету и породе камня они были идентичны сланцевым плитам ящика погребения и явно составляли с ним единое целое, являясь южной стенкой каменного погребального сооружения. На современной дневной поверхности не было видно никаких внешних признаков, свидетельствующих о захоронении. Скорее всего, это было грунтовое захоронение или же над погребением имелась небольшая земляная насыпь, разрушенная и сnivelированная в результате длительного антропогенного воздействия. По информации старожилов села, берег реки постоянно и достаточно интенсивно осыпается, разрушается как его верхний небольшой почвенно-травяной покров, так и структурная часть террасы. По берегу регулярно осуществляется прогон скота. Ранее, когда пространство между берегом и сельскими постройками было шире, интенсивно проезжала сельскохозяйственная техника.

Рис. 1. Местоположение погребения в с. Мендур-Соккон

После зачистки поверхности над погребением на глубину 10–15 см выявлены контуры поверхности каменного ящика. За периметром его выступавших плит был заложен небольшой раскоп площадью 4,6 кв. м. На глубине около 20 см окончательно обозначились верхние торцовые края плит от каменного ящика. Ящик имел подпрямоугольную форму, слегка расширенную в западной части, с хорошо подогнанными плитами. Сохранились три стенки: западная, северная и восточная. Северная составлена из трех плит, расположенных встык друг к другу, общей длиной 176 см и высотой 60 см. Торцовые – каждая из одной плиты: западная – длиной 72 см, восточная – 56 см; толщина плит от 4 до 5,2 см. Плиты, образывавшие ящик, достаточно хорошо обработаны, имеют относительно ровные поверхности. В целом реконструкция ящика выглядит следующим образом. Форма ящика подпрямоугольная (возможно, слегка трапецевидная), длина 176–180 см. Как уже отмечалось, его длинные стороны состояли из трех плит, по одной крупной и двум более коротким с каждой из сторон. Цельные торцевые плиты оказались зажатыми встык между плитами длинных сторон ящика. Западная плита, установленная в изголовье погребенного человека, длиннее восточной. С учетом толщины боковых плит размер западной стенки каменного ящика составлял 80–85 см, восточной – в пределах 65 см. Перекрытие ящика отсутствовало, в целом он состоял из восьми плит*. Глубина дна могилы от современной поверхности составляла 75 см. Заполнение внутреннего пространства ящика соответствовало структуре состава речной террасы. Оно представляло собой рыхлую супесь коричневого цвета с включением редкого мелкого окатанного галечника. На дне могилы был зачищен скелет человека. В кратком отчете 2010 г. пол погребенного отмечен как женский. Человек был уложен на спине в вытянутом положении головой на запад, с приподнятым затылком и лицом, обращенным на восток. Правая рука вытянута и слегка отведена в сторону от туловища, кисть ее отсутствовала, очевидно, она выпала при обрушении берега. Левая рука немного согнута в локте, кисть покоилась вплотную около тазовой кости. Ноги вытянуты и расположены параллельно друг другу. Часть костей скелета оказалась перемещена со своего анатомического положения (рис. 2). В ногах, недалеко от правой стопы погребенного человека, стоял глиняный сосуд баночной формы, выпавший ранее из разрушающегося каменного ящика и подобранный местными жителями. В месте, где он находился, остался отпечаток днища, керамические крошки и следы кальциевой патины.

Сосуд небольшой, несколько кособокий, слегка наклоненный в одну сторону, высотой 11,6 см. Он имеет баночную форму, устье открытое, диаметром 8,8 см, стенки прямые. В нижней части стенки сосуда плавно закругляются и сужаются. Срез венчика прямой, плоский, толщина стенок в верхней части по срезу венчика 0,6 см. Днище совсем небольшое, плоское, диаметром 2,8 см (рис. 3.-1). Сохранность сосуда неполная – венчик обломан в двух местах, имеется несколько трещин, поверхность загрязнена. Формовочная масса сосуда включала примеси песка и мелких дробленых минералов, тесто рыхлое. Обжиг удовлетворительный, цвет поверхности коричневый, местами с пятнами красно-коричневого и черного цветов, видно легкое заглаживание поверхности. Вся внешняя поверхность сосуда, включая днище, покрыта орнаментом. Техника нанесения орнамента – прямой или сужающийся с одной стороны под углом оттиск удлиненного гладкого штампа («отступающая дощечка»). Всего по тулову

* Плиты ящика погребения по просьбе местной администрации оставлены в с. Мендур-Соккон для музея.

Рис. 2. Погребение в селе Мендур-Соккон: 1 – вид с востока; 2 – вид с юга

сосуда проходит 19 горизонтальных строк оттисков. Первый ряд под венчиком состоит из опоясывающих сосуд слабо отпечатанных наклонных вправо оттисков штампа. Ниже по всему тулову проходят девять параллельных рядов елочного орнамента, выполненных более глубокими оттисками. В ряде случаев на вершинах оттисков имеются мелкие круглые неглубокие ямки. Особого внимания заслуживает орнамент днища сосуда. Казалось бы, на нем хаотично и бессистемно нанесены удлиненные, слегка дуговидные оттиски штампа (рис. 3.-2). Но при тщательном рассмотрении в центре днища четко различается геометрический знак, напоминающий 24-ю руну древнегерманского рунического алфавита – «Одал» (или «Отал»). Данный орнамент, знак и возможные другие комбинации орнамента, как на днище сосуда, так и на его стенках, требует отдельного исследования специалистами в области рунологии, лингвистики, символики. Не исключено, что и другие комбинации орнамента днища могут представлять собой некие знаки, служившие магическими или родовыми символами.

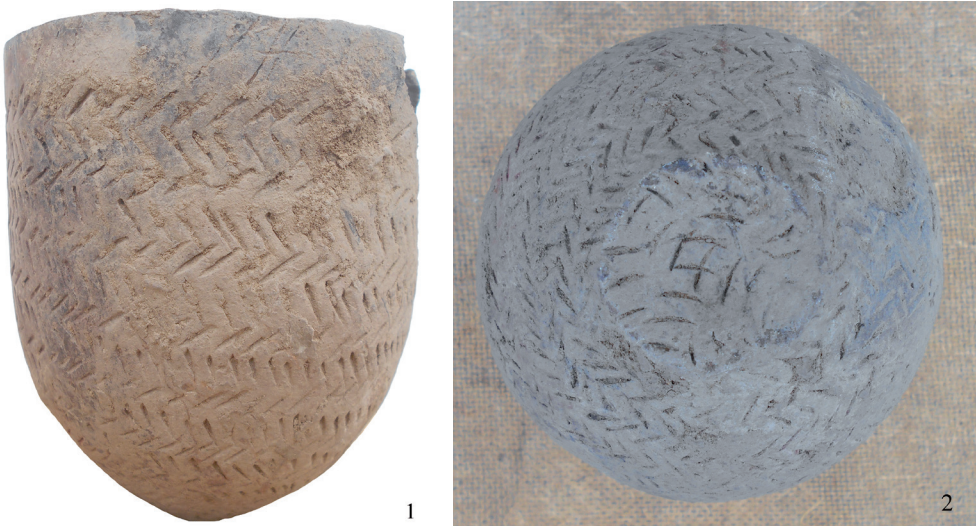

Рис. 3. Керамический сосуд из погребения в селе Мендур-Соккон: 1 – вид сбоку; 2 – вид снизу

Изучение краниологической находки из погребения в с. Мендур-Соккон

Череп из погребения в с. Мендур-Соккон, хранящийся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске (см. табл.), исследовался по краниометрической программе [Алексеев, Дебеч, 1964]. Он принадлежал молодой женщине в возрасте 18–20 лет. Для женского пола череп характеризуется выраженной массивностью при сильно развитом лобном рельефе, среднем – в затылочной области, и крупных сосцевидных отростках. Мозговая коробка сфероидной формы, средней длины, очень широкая и очень высокая, выраженно брахикранная, гипси- и метриокранная по указателям. Лоб средней ширины в месте наибольшего сужения височных линий и большой ширины в коронарной части, узкий относительно ширины мозговой коробки и по широтному лобному указателю. В горизонтальной плоскости лобная кость уплощена, в сагиттальной – средневыпуклая, углы профиля лобной кости также характеризуются средними значениями признаков. Основание черепа средней длины и очень широкое. Лицевой отдел очень широкий и средневысокий, относительно низкий. Горизонтальная профилировка лица слабая на верхнем уровне и сильная на зигомаксиллярном, клыковая ямка мелкая. В вертикальной плоскости по всем показателям лицевой отдел ортогнатный. Орбиты широкие и очень низкие, резко хамеконхные. Носовой отдел невысокий, средней ширины абсолютно и по указателю, с острым нижним краем грушевидного отверстия. Переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения неширокие, абсолютно и относительно высокие по симотическому указателю и средневысокие – по дакриальному. Угол выступания носа к линии общего лицевого профиля большой на границе со средними значениями признака. Нижняя челюсть очень широкая и очень длинная от углов, с вертикально поставленными широковетвями, широким выступающим подбородком. Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), вычисленная с учетом средних коэффициентов полового диморфизма на основании значений общего индекса уплощенности лицевого скелета ($УЛС=49,1$) и преарикулярного фацио-церебрального указателя ($ПФЦ=91,9$) [Дебеч, 1968] составляет 39,4%.

Индивидуальные краниометрические данные черепа женщины из Мендур-Соккон

Признак по Мартину и др.	x	Признак по Мартину и др.	x
1. Продольный диаметр	173	48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,3
8. Поперечный диаметр	145	72. Общий лицевой угол	86
8:1. Черепной указатель	83,8	74. Угол альвеолярной части	79
17. Высотный диаметр от ba.	138	77. Назомалярный угол	145,6
17:1. Выотно-продольный указ-ль	79,8	$\angle Zm'$. Зигомаксиллярный угол	129,2
17:8. Выотно-поперечный указ-ль	95,2	51. Ширина орбиты от mf.	42,5
20. Высотный диаметр от ро.	114	51а. Ширина орбиты от d.	40,5
5. Длина основания черепа	98	52. Высота орбиты	28,7 ^{мр}
9. Наименьшая ширина лба	94,2	52:51. Орбитный указатель от mf.	67,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,0	52:51а. Орбитный указатель от d.	70,9
10. Наибольшая ширина лба	120	55. Высота носа	46,0
11. Ширина основания черепа	132	54. Ширина носа	23,6
32. Угол профиля лба от п.	85	54:55. Носовой указатель	51,3
GM/FH. Угол профиля лба от g.	79	75(1). Угол выступания носа	25
29. Лобная хорда	111	SC. Симотическая ширина	5,2
Sub.NВ. Высота изгиба лба	26,0	SS. Симотическая высота	2,9
Sub.NВ:29. Указ-ль выпуклости лба	23,4	SS:SC. Симотический указатель	55,8

Продолжение таблицы

Признак по Мартину и др.	х	Признак по Мартину и др.	х
Надпереносье (1-6)	3,5	DC. Дакриальная ширина	18,2
11. Ширина основания черепа	132	DS. Дакриальная высота	8,5
40. Длина основания лица	93	DS:DC. Дакриальный указатель	46,7
40:5. Указатель выступания лица	94,9	FC. Глубина клыковой ямки	2,9 ^{пр}
43. Верхняя ширина лица	104	68. Длина нижней челюсти от углов	84
45. Скуловой диаметр	137	79. Угол ветви челюсти от углов	119
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	94,5	71а. Наименьшая ширина ветви	34,8 ^{пр}
48. Верхняя высота лица	68	66. Угловая ширина	107
48:45. Верхний лицевой указатель	49,6	67. Передняя ширина	46,4

По черепу из погребения в с. Мендур-Соккон на основе метода М.М. Герасимова [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Aulsebrook, 1993; Никитин, 2009; Rynn et al., 2009; и др.] восстановлен прижизненный облик человека в профильной и фронтальной нормах. Выполненная реконструкция дает представление о морфологическом облике и индивидуальных особенностях молодой женщины каракольской культуры Алтая (рис. 4).

Обсуждение результатов исследований

Аналогии погребальному обряду захоронения в с. Мендур-Соккон достаточно широко представлены в других памятниках каракольской культуры, содержащих непотревоженные могилы [Кубарев, 1998; 2009]. Наиболее близкие конструкции погребальных ящиков зафиксированы на могильнике Каракол, особенно в погребении-5, где также «ящик был сооружен из восьми массивных плит» [Кубарев, 2009, с. 20; рис. 85]. Остальные ящики погребений Каракольского могильника состояли из шести плит. Все перечисленные выше признаки погребального обряда мендур-сокконского объекта не вызывают никаких сомнений в его принадлежности к каракольской культуре развитого бронзового века, убедительно обоснованной в работах В.Д. Кубарева [1988, 2009] и В.И. Молодина [1992]. Хронологически каракольская культура датируется в пределах конца III – 1-й половины II тыс. до н.э., хотя сам В.Д. Кубарев [2009, с. 78] отмечал, что «...до сих пор мы

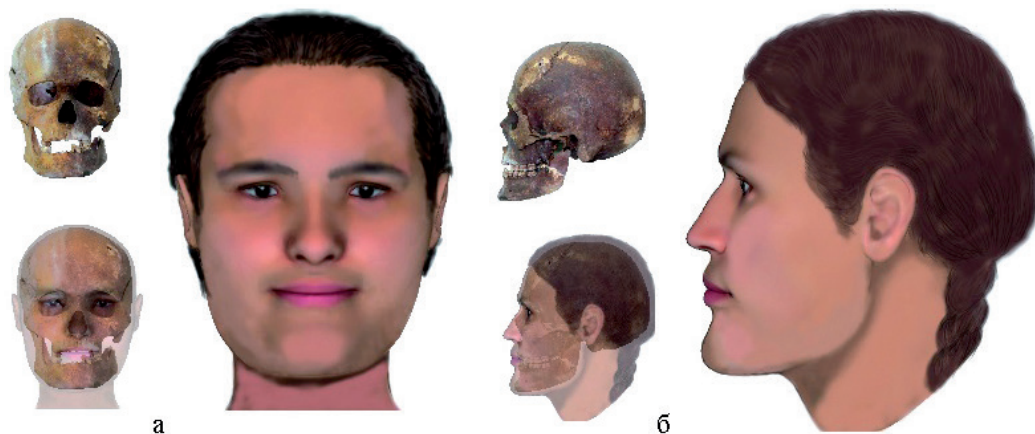

Рис. 4. Графическая реконструкция по черепу женщины из погребения в с. Мендур-Соккон: а – анфас; б – профиль

не имеем точных хронологических определений и этнографических границ каракольской культуры». Нами датировка погребения из Мендур-Соккона определяется предположительно концом III – началом II тыс. до н.э.

В 2009 г. также была обследована территория, расположенная на берегу р. Чарыш в районе раскопанного погребения и в окрестностях. На поверхности, как уже указывалось выше, серьезно измененной вследствие жизнедеятельности населения, были обнаружены небольшие всхолмления и в ряде мест выступающие на поверхности камни. Предположительно это могут быть другие каракольские могилы, составляющие с раскопанным нами погребением единый некрополь. Спустя десять лет, в июле 2019 г., одним из авторов осуществлен выезд в село и проведено новое обследование территории предыдущих раскопок. Его результаты показали, что старый берег реки Чарыш повсюду существенно осыпался. Особенно сильным обрушением стало место, где в 2009 г. было раскопано описанное погребение (рис. 5). Признаков разрушения новых археологических объектов не обнаружено.

Рис. 5. Место расположения погребения (выделено цветом), вид с юга. Фотоснимок 2019 г.

Сосуд из погребения в с. Мендур-Соккон очень близок к единственному найденному до этого керамическому сосуду каракольской культуры из погребения-1 могильника в с. Озерное, «...орнаментированном горизонтальной разреженной елочкой, оттиснутой гребенчатым штампом» [Погожева, 2006, с. 55]. Оба сосуда небольших размеров, имеют баночную форму, геометрический елочный орнамент*. Обратим также внимание на керамику третьей группы елунинской культуры ранней бронзы Лесостепного Алтая, имеющую аналогичные параметры и профилировку, стилистически близкую орнаментацию, а также небольшие по размерам орнаментированные днища [Кирюшин, 2002, с. 51, рис. 105].

Антропологический тип женщины каракольской культуры из погребения в с. Мендур-Соккон на основании морфологической характеристики черепа в целом можно охарактеризовать как промежуточный европеоидно-монголоидный (или монголоидно-европеоидный), свойственный местному древнему населению Алтае-Саянского нагорья. На данной территории выделяется особая древняя южная евразийская антропологическая формация [Чикишева, 2012], морфологические особенности которой фиксируются на краниологических находках начиная с неолита–энеолита. Ее характеризует брахикранная форма не-

* Керамический сосуд из погребения в с. Мендур-Соккон находится в сельском общественном музее данного села, сосуд из могильника в с. Озерное хранится и экспонируется в Национальном музее им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

высокой мозговой коробки и промежуточные монголоидно-европеоидные характеристики в строении лицевого отдела со специфическим соотношением краниологических параметров, дифференцирующих группы монголоидного и европеоидного расовых стволов: относительно сильно выступающий нос и высокое переносье в сочетании с относительно более уплощенным лицом. Именно эти особенности проявляются на краниологической находке из Мендур-Соккон. Брахиокранная форма мозговой коробки, сходные размеры и пропорции лицевого отдела, степень общей уплощенности лица, переносье и выступания носа объединяет анализируемый череп с другими черепами каракольской культуры, в частности из Каракольского могильника [Чикишева, 2012; Тур, Солодовников, 2005] и коллективного погребения в каменном ящике в с. Озерное (раскопки 2005 г., неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова и С.С. Тур). Среди близких в культурно-хронологическом отношении материалов других территорий череп женщины из с. Мендур-Соккон очень сходен с краниологическими сериями, представляющими популяции родственной окуневской культуры Минусинской котловины [Громов, 1997], антропологически наиболее сходными с населением каракольской культуры Алтая [Тур, Солодовников, 2005; Чикишева, 2012].

В качестве индивидуальных особенностей черепа из с. Мендур-Соккон, по-видимому, следует оценивать низкие орбиты, высокую мозговую коробку и в целом европеоидные фацио-церебральные соотношения, которые связаны скорее с нормальной биологической изменчивостью, чем с возможной европеоидной примесью. Последняя в целом не исключена в составе населения каракольской культуры [Тур, Солодовников, 2005] и более отчетливо проявляется в антропологическом облике населения родственной чаа-хольской культуры Тувы, где фиксируется почти «в чистом виде» (Аймырлыг-ХIII, XXVII) [Гохман, 1980]. Типологически европеоидный компонент в составе населения данных культур окуневского типа Южной Сибири, как и елуниной степного Обь-Иртышья и других культур периода ранней бронзы юга Западной Сибири, отличается от протоевропеоидного типа населения предшествующей афанасьевской культуры Южной Сибири и Центральной Азии. Он, по-видимому, представляет последующую, сравнительно «разреженную» волну древнего европеоидного населения, но территориально затронувшую более обширные районы. Локальное антропологическое разнообразие населения культур ранней бронзы этого обширного региона определяется антропологической дифференциацией местных групп; некоторой разнородностью пришлого европеоидного суперстрата; количественным соотношением пришлого и местного компонентов с преобладанием женского населения в составе последнего; а также глубиной антропологически фиксирующегося между ними смешения на хронологическом срезе исследованных археологических комплексов [Солодовников, 2007]. Однако в данном контексте исследования существенно то, что на краниуме женщины каракольской культуры из с. Мендур-Соккон фиксируются преобладающие морфологические особенности именно местного антропологического компонента сложения населения культур ранней бронзы Южной Сибири. Условная доля монголоидного элемента [Дебец, 1968], вычисленная для черепа из Мендур-Соккон на основании лишь общего индекса уплощенности лицевого скелета (УДМЭ_{улс}) [Дремов, 1997, с. 24], составляет 48,5%, что даже несколько превышает аналогичный показатель на других черепах каракольской культуры Алтая, где он варьирует от 23% (♀ Каракол, курган №2, погребение-2) до 43% (♂ Озерное, скелет №3).

Следует также подчеркнуть очень большие морфологические различия этих и других черепов каракольской культуры с краниологическими сериями территориально соседствующей елуниной культуры предгорно-равнинного Алтая и степного

Обь-Иртышья [Дремов, 1997; Солодовников, Тур, 2016; и др.]. При сходном проявлении субстратных промежуточных европеоидно-монголоидных антропологических комплексов в строении лицевого отдела, конструкция мозговой коробки каракольских и окуневских, с одной стороны, и елунинских черепов – с другой принципиально различна (брахикrania в первом случае и резкая долихокрания – во втором). Это дает основание утверждать об их принадлежности к антропологическим общностям местного населения соответственно горных и предгорных областей Южной Сибири и равнинных – юга Западной Сибири, что выявляется с помощью статистического анализа [Солодовников и др., 2016, с. 264]. Появившиеся краниологические материалы чемурчекской культуры высокогорных районов Монгольского Алтая [Солодовников и др., 2019], демонстрируя сходство с черепами елунинской культуры Лесостепного Алтая, также обнаруживают очень значительные антропологические отличия чемурчекских групп от населения каракольской и окуневской культур Южной Сибири.

Заключение

Исследованное погребение у с. Мендур-Соккон относится к каракольской культуре Алтая, входящей в круг культурных образований окуневского типа или чемурчекско-окуневской общности Южной Сибири и Центральной Азии [Лазаретов, 2017; Ковалев, 2017; и др.]. С учетом все еще малой численности погребальных памятников каракольской культуры это придает важное значение материалам погребения в с. Мендур-Соккон с зафиксированным погребальным обрядом и могильным сооружением в виде каменного ящика. Уникальность данного погребения определяется также находением в нем керамического сосуда со специфической орнаментацией днища.

Поскольку В.Д. Кубаревым [2009] выделены и описаны три микрорайона концентрации погребений каракольской культуры (Каракольская долина, районы сел Беш-Озек и Озерное), Мендур-Соккон является четвертым подобным пунктом распространения погребальных памятников данной культуры. Перспективными местами для поиска каракольских кладбищ могут быть окрестности с. Теньга Онгудайского района, а также Абайская долина в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, где имеются объекты, внешне напоминающие насыпи каракольских курганов. Погребение в с. Мендур-Соккон предположительно датируется концом III – началом II тыс. до н.э.

По черепу молодой женщины, захороненной в погребении из с. Мендур-Соккон, проведена реконструкция прижизненного облика. Антропологический тип этого человека каракольской культуры Алтая определяется местным брахикranным промежуточным европеоидно-монголоидным типом. Он был характерен для популяций эпох неолита и бронзы Алтае-Саянского нагорья, и в частности окуневской и каракольской культур ранней бронзы данного региона. Одновременно прослеживаются большие морфологические различия с антропологическим типом населения елунинской и чемурчекской культур сопредельных территорий, соответственно Лесостепного Алтая и высокогорья Монгольского Алтая.

Библиографический список

- Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; Т. 28).
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л. : Наука, 1980. С. 5–34 (СМАЭ; Т. XXXVI).

Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. : Наука, 1968. С. 13–22.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Киреев С.М., Ойношев В.П., Чевалков Л.М., Кубарев В.Д. Раскопки в Чемальском и Усть-Канском районах Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 202–205.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Ковалев А.А. Роль чемурчекского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 267–269.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск : Наука, 1988. 172 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 284–289.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М. : Старый Сад, 1998. 125 с.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 271–282.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований; в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М. : Московский Кремль, 2009. С. 137–167.

Погожева А.П. Эпоха бронзы // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. I. Барнаул : Азбука, 2006. С. 49–59.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Ин-т ист., филол. и филос. СО АН СССР, 1979. С. 80–85.

Солодовников К.Н. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 145–150.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елуинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Елуинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 181–202.

Солодовников К.Н., Тумэн Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб. : ИИМК РАН, 2019. С. 79–81.

Солодовников К.Н., Хохлов А.А., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. К проблеме трансевразийских миграций Запада и Востока Северной Евразии: эпоха камня и бронзы (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 261–268.

Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКЦИН, 2005. С. 35–47.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 468 с.

Aulsebrook W.A. The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face, Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy. Johannesburg : University of the Witwatersrand, 1993. 283 p.

Rynn C., Wilkinson S.M., Peters H. Prediction of nasal morphology from the skull // Forensic Science, Medicine and Pathology. 2009. Vol. 6, №1. P. 20–34.

References

- Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research]. M. : Nauka, 1964. 128 s.
- Gerasimov M.M. *Vosstanovlenie lica po cherepu: (Sovremennyj i iskopaemyj chelovek)* [Facial Restoration of the Skull: (Modern and Fossil Man. M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. 585 s. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya; T. 28) [Proceedings of the Institute of Ethnography. N.N. Miklouho-Maclay. New series. Vol. 28].
- Gohman I.I. *Proiskhozhdenie central'noaziatskoj rasy v svete novyh paleoantropologicheskikh materialov* [The Origin of the Central Asian Race in the Light of New Paleoanthropological Materials]. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR* [Research on Paleoanthropology and Craniology of the USSR]. L. : Nauka, 1980. Pp. 5–34 (SMAE; Vol. XXXVI).
- Gromov A.V. *Proiskhozhdenie i svyazi okunevskogo naseleniya Minusinskoj kotloviny* [The Origin and Relations of the Okunevo Population of the Minusinsk Depression]. *Okunevskij sbornik* [Okunevo Collection]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 301–345.
- Debec G.F. *Opyt kraniometricheskogo opredeleniya doli mongoloidnogo komponenta v smeshannyh gruppah naseleniya SSSR* [The Experience of Craniometric Determination of the Share of the Mongoloid Component in Mixed Groups of the Population of the USSR]. *Problemy antropologii i istoricheskoj etnografii Azii* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography]. M. : Nauka, 1968. Pp. 13–22.
- Dremov V.A. *Naselenie Verhnego Priob'ya v epohu bronzy (antropologicheskij очерк* [The Population of the Upper Ob in the Bronze Age (anthropological essay)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 264 p.
- Kireev S.M., Ojnoshev V.P., Chevalkov L.M., Kubarev V.D. *Raskopki v Chernal'skom i Ust'-Kanskom rajonah Respubliki Altaj* [Excavations in the Chemsalsky and Ust-Kansky Regions of the Altai Republic]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. T. XVI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. Pp. 202–205.
- Kiryushin Yu.F. *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoj Sibiri* [Eneolithic and Early Bronze in the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p.
- Kovalev A.A. *Rol' chemurchekского kul'turnogo fenomena v formirovanii i razvitii kul'tur bronzovogo veka Sibiri i Kazahstana* [The Role of the Chemurchek Cultural Phenomenon in the Formation and Development of the Bronze Age Cultures of Siberia and Kazakhstan]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe*. T. I [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha. Vol. I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 267–269.
- Kubarev V.D. *Drevnie rospisi Karakola* [Ancient Murals of Karacol]. Novosibirsk : Nauka, 1988. 172 p.
- Kubarev V.D. *Pamyatniki karakol'skoj kul'tury Altaya* [The Sites of the Karakol Culture of Altai]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2009. 264 p.
- Lazaretov I.P. *Obshchnost' kul'tur Sayano-Altaya v epohu rannej bronzy* [The Community of Cultures of the Sayan-Altai in the Early Bronze Age]. *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe*. T. I [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha. Vol. I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 284–289.
- Lebedinskaya G.V. *Rekonstrukciya lica po cherepu. Metodicheskoe rukovodstvo* [Facial Reconstruction of the Skull. Methodical Guide]. M. : Staryj Sad, 1998. 125 p.
- Molodin V.I. *Karakol'skaya kul'tura* [Karakol culture]. *Okunevskij sbornik 2: Kul'tura i ee okruzhenie* [Okunevo Collection 2: Culture and its Environment]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 271–282.
- Nikitin S.A. *Plasticheskaya rekonstrukciya portreta po cherepu* [Plastic Reconstruction of the Portrait along the Skull]. *Nekropol' russkikh velikih knyagin' i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: Materialy issledovanij; v 4 t. T. 1. Istoriya usypal'nicij i metodika issledovaniya zahoronenij* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarines in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin: Research Materials; in 4 vol. Vol. 1. The History of the Tomb and the Methodology for the Study of Burials]. M. : Moskovskij Kreml', 2009. Pp. 137–167.
- Pogozheva A.P. *Epoha bronzy* [Bronze Age]. *Epoha eneolita i bronzy Gornogo Altaya. Ch. I* [Eneolithic and Bronze Age of Altai Mountains. Part I]. Barnaul : Azbuka, 2006. Pp. 49–59.
- Pogozheva A.P., Kadikov B.H. *Mogil'nik epohi bronzy u poselka Ozernogo na Altaje* [The Bronze Age Burial Ground near the Village of Ozerny in Altai]. *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : In-t ist., filol. i filos. SO AN SSSR, 1979. Pp. 80–85.

Solodovnikov K.N. K voprosu o roli evropeoidnogo komponenta v rasogeneze naseleniya Altae-Sayanskogo nagor'ya epohi rannej i razvitoj bronzy [On the Role of the Caucasoid Component in the Racogenesis of the Population of the Altai-Sayan Highlands of the Era of Early and Developed Bronze]. *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami [Altai-Sayan Mountain Country and the History of its Development by Nomads]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 145–150.

Solodovnikov K.N., Tur S.S. Kraniologicheskie materialy eluninskoj kul'tury epohi rannej bronzy Verhnego Priob'ya [The Craniological Materials of the Yelunino Culture of the Early Bronze Age of the Upper Ob Region]. *Eluninskij arheologicheskij kompleks Teleutskij Vzvoz-I v Verhnem Priob'e: opyt mezhdisciplinarnogo izucheniya [Yelunino Archaeological Complex Teleutsky Vzvoz-I in the Upper Ob Region: an Experience of Interdisciplinary Study]*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 181–202.

Solodovnikov K.N., Tumen D., Erdene M. Kraniologiya chemurchekskoj kul'tury Zapadnoj Mongolii // *Drevnosti Vostochnoj Evropy, Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v kontekste svyazej i vzaimodejstvij v evrazijskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i koncepcii)*. T. II. SPb. : IIMK RAN, 2019. Pp. 79–81.

Solodovnikov K.N., Hohlov A.A., Rykun M.P., Kravchenko G.G. K probleme trans'evrazijskih migracij Zapada i Vostoka Severnoj Evrazii: epoha kamnaya i bronzy (po dannym arheologii, antropologii i paleogenetiki) [On the Problem of Trans-Eurasian Migrations of the West and East of Northern Eurasia: the Era of Stone and Bronze (according to archeology, anthropology and paleogenetics)]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaya*. T. 2. [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 2]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 261–268.

Tur S.S., Solodovnikov K.N. Novye kraniologicheskie materialy iz pogrebenij karakol'skoj kul'tury epohi bronzy Gornogo Altaya [New Craniological Materials from Burials of the Karakol Culture of the Bronze Age of Altai Mountains]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of South Siberia]*. Gorno-Altajsk : AKIN, 2005. Pp. 35–47.

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differenciacii naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v epohi neolita – rannego zheleza [Dynamics of Anthropological Differentiation of the Population of the South of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. *Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN*, 2012. 468 p.

Aulsebrook W.A. The Establishment of Soft Tissue Thicknesses and Profiles in the Adult Male Zulu Face, Thesis for the degree of Doctorate of Philosophy. Johannesburg : University of the Witwatersrand, 1993. 283 p.

Rynn C., Wilkinson C.M., Peters H. Prediction of Nasal Morphology from the Skull // *Forensic Science, Medicine and Pathology*. 2009. Vol. 6, №1. Pp. 20–34.

S.M. Kireev¹, K.N. Solodovnikov², A.I. Nechvaloda³

¹Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altajsk, Russia;

²Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia;

³Federal Ufa Research Centre RAS, Ufa, Russia

BURIAL OF THE KARAKOL BRONZE AGE CULTURE IN THE ALTAI MOUNTAINS IN THE MENDUR-SOKKON VILLAGE (Preliminary Results of an Archaeological and Paleoanthropological Study)

The paper presents the results of excavations of the emergency burial of the Karakol culture of the Bronze Age in the village of Mendur-Sokkon in the Altai Mountains. The features of the funeral rite, the design of the stone box are described. A unique vessel was found in the burial, ornamented over the entire surface with fir-tree ornaments. The sign of the Odal rune is depicted on the bottom of the vessel. The burial is dated to the end of 3rd – beginning of the 2nd millennium BC. The craniological features of the local anthropological component of the composition of the early bronze cultures of southern Siberia with intermediate Caucasoid-Mongoloid racial features are clearly manifested on the skull of a woman from Mendur-Sokkon. One can argue about the great morphological similarity of the buried with individuals buried in the unified cultural burials of Ozernoye and Karakol in Central Altai. On a territorially wider scale, the skull of a woman from a burial in the village of Mendur-Sokkon resembles the craniological series of the Okunevo culture of the Minusinsk depression, which of all the cultural formations of the early bronze of southern and southern Western Siberia anthropologically is the most related to the Karakol one.

Key words: Gorny Altai, Archaeology, the Bronze Age, Karakol culture, funeral rite, stone box, ceramics, paleoanthropology, craniometry.